

Adolf Goldschmidt, *Die Kirchenthür des heiligen Ambrosius in Mailand, ein Denkmal frühchristlicher Skulptur*. Strassburg, Heitz, 1902, 30 стр., съ 6 фототипическими таблицами (= Zur Kunstgeschichte des Auslandes. Heft VII).

Въ церкви св. Амвросія въ Миланѣ, въ главномъ входѣ находятся деревянныя двустворчатыя двери, окрашенныя въ краску подъ бронзу; прикрытыя желѣзною сѣтчатою рѣшеткою, онѣ, принимавшіяся за произведение XVIII столѣтія, обычное, мало чѣмъ выдѣляющееся, не привлекали къ себѣ ничего вниманія и о нихъ мало было извѣстно, или почти ничего въ научной литературѣ, и даже въ описаніяхъ «достопримѣчательностей» города Милана.

Въ настоящее время имъ предстоитъ, по крайней мѣрѣ, въ ученой литературѣ, иная судьба. Теперь, послѣ изслѣдованія ихъ Ад. Гольдшмидтомъ въ той книгѣ, заглавіе которой выставлено выше, онѣ должны привлечь къ себѣ вниманіе изслѣдователей, какъ памятникъ, котораго происхождение изъ XVIII в. переносится на 14 вѣковъ раньше, ко времени строителя церкви—самого св. Амвросія, какъ памятникъ древне-христианскій, могущій идти въ сравненіе лишь съ другимъ, давно извѣстнымъ—кипарисовыми дверями церкви св. Сабины въ Римѣ.

Изслѣдованіе г. Гольдшмидта—выдающееся по своимъ методологическимъ приѣмамъ, по тонкому стилистическому анализу, обнаруживающему въ авторѣ замѣчательную наблюдательность, умѣніе отличить стиль даже въ такомъ памятникѣ, который почти весь сплошь подверженъ реставраціи, искуснымъ обновленіямъ и полнымъ замѣнамъ стараго новымъ.

Авторъ встрѣтилъ въ архивѣ церкви св. Амвросія полуразрушенныя барельефы въ деревѣ, отмѣченныя сильнымъ античнымъ характеромъ. Наблюденія его надъ этими барельефами и сравненіе ихъ съ барельефами на дверяхъ церкви привели его къ тому заключенію, что они именно—часть послѣднихъ. Какимъ же образомъ произошло, что они попали въ архивъ? На дверяхъ имѣется надпись:

Quod religio peregrinorum imminuit
Restituitur anno iubilaei MDCCL.

Авторъ слово *restituitur* понимаетъ не въ смыслѣ сдѣлано заново, а въ смыслѣ «обновлено».

Барельефы на дверяхъ помѣщены на пяти поляхъ на каждой сторонѣ; два нижнихъ поля обѣихъ частей отъ времени и наибольшаго прикосновенія къ нимъ сильно попортились; нижнее поле совершенно притомъ измѣнено новымъ (чудовищные звѣри); то же поле, что выше, сохраняется въ архивѣ; на мѣстѣ же оно замѣнено новымъ. Что касается трехъ остальныхъ полей на обѣихъ частяхъ дверей, то они—лишь сильно реставрированы: головы у всѣхъ фигуръ новыя, подновлены одежды, позы; положеніе же фигуръ и композиція сюжетовъ остались древнія.

Авторомъ детально отмѣчены всѣ реставраціи, обновленія и всѣ древнія части, равно и орнаментъ обрамляющей двери по концамъ и поля барельефовъ.

Содержаніе барельефовъ слѣдующее ¹⁾: 1) Давидъ у стада, тутъ же побѣжденные левъ и медвѣдь, 2) помазаніе Давида на царство, 3) Исей съ семью сыновьями и Самуилъ, 4) Иессей, приводящій Давида къ Саулу, 5) Давидъ, играющій на арфѣ предъ Сауломъ, злой духъ уходитъ отъ послѣдняго (въ видѣ змѣи), 6) вооруженіе Давида въ присутствіи Саула на битву, 7) уходъ Давида, 8) побѣда Давида надъ Голиаѳомъ, въ присутствіи Ангела. Въ верхнемъ полѣ: Ангелы, поддерживающіе кругъ съ монограммой Христа; на внутренней сторонѣ по сторонамъ такого круга были изображены павлины.

Разборъ барельефовъ и со стороны стили, и содержанія приводитъ автора къ слѣдующимъ заключеніямъ: складка одеждъ и позы фигуръ—античнаго характера, композиціи просты; орнаментъ также вполне подходитъ къ древне-христіанскому: сходный отмѣчается на саркофагахъ IV в., въ капителяхъ изъ Солуни, на дверяхъ въ церкви св. Сабинны въ Римѣ.

Нѣкоторыя сцены изъ исторіи Давида (побѣда надъ Голиаѳомъ) встрѣчаются въ живописи катакомбъ, въ барельефахъ Брешианской липсанотеки, на саркофагахъ Марсели и Реймса; Ангелъ въ этой сценѣ напоминаетъ автору Викторію, онъ же встрѣчается съ ней въ византійскихъ памятникахъ (IX, X в. и др.). Давидъ среди стадъ—аналогія въ рельефахъ саркофаговъ и въ византійскихъ памятникахъ. Въ тѣхъ же памятникахъ указываются аналогіи и для одеждъ; и для пейзажа (таррасообразныя горы)—въ барельефахъ пластинки изъ слоновой кости Миланскаго собора (V в.). Все это позволяетъ автору отнести памятникъ къ древне-христіанскому искусству и, если двери Сабинны, по его словамъ, относятся къ 430 году, то двери св. Амвросія въ Миланѣ можно отнести къ началу V в., или къ концу IV в.

Сюжеты барельефовъ дверей, по мнѣнію автора, символическаго характера и вполне могли быть навѣяны сочиненіями создателя церкви св. Амвросія.

Говоря о мѣстѣ, гдѣ могли быть сдѣланы двери, г. Гольдшмидтъ полагаетъ, что такія обширныя произведенія, какъ двери церкви, должны были приготовляться на мѣстѣ (24). Авторъ не развиваетъ далѣе своей мысли и не высказываетъ ничего болѣе о происхожденіи памятника; онъ только отмѣчаетъ, что онъ «миланскій», а не римскій, или равеннскій. Это, однако, весьма мало говоритъ о характерѣ памятника; онъ можетъ быть и *миланскій*, но стоять въ связи съ другими, имѣющими извѣстныя черты, благодаря которымъ имъ даетъ названіе «западнаго», «восточнаго» или «византійскаго».

1) Сюда не входятъ новые барельефы во второмъ полѣ.

Аналогіи, отмѣчавшіяся самимъ авторомъ съ нѣкоторыми древне-византійскими памятниками, и повтореніе нѣкоторыхъ деталей въ поздне-византійскихъ памятникахъ не даютъ ли право на отнесеніе самого памятника къ византійскому, или къ западнымъ, но уже съ нѣкоторымъ вліяніемъ этого древне-византійскаго искусства?

Е. Рѣдинъ.

Constantin Jireček. *Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters.* Erster Theil. Wien 1901, 104 стр. Zweiter Theil. Wien 1903, 80 стр. Dritter Theil. Wien 1904. 78 стр. 4°.

Въ этой замѣчательной книгѣ профессоръ Вѣнскаго университета К. Иречекъ излагаетъ результаты своихъ долготѣльныхъ работъ въ архивахъ далматинскихъ городовъ по исторіи римскаго элемента въ Далмаціи, издавна служившей ареной культурно-политическаго состязанія трехъ великихъ культурныхъ міровъ: византійскаго, романскаго и славянскаго. Въ первой части проф. Иречекъ излагаетъ выводы своего изслѣдованія, во второй и третьей сообщаетъ документы, послужившіе для нихъ матеріаломъ, а также списки собственныхъ именъ жителей древне-романскихъ городовъ.

Первое появленіе романскаго элемента въ Далмаціи восходитъ къ начальнымъ временамъ римской колонизаціи Балканскаго полуострова. Эта колонизація, по Иречку, шла двумя потоками: болѣе интенсивнымъ — на берега Далмаціи и болѣе слабымъ — къ берегамъ нижняго Дуная. Первое теченіе ведетъ свое начало еще отъ временъ республики и отличалось сравнительно мирнымъ, общественнымъ, гражданскимъ характеромъ; второе, напротивъ, носило болѣе военный характеръ, такъ какъ ему дало толчокъ перенесеніе лагерныхъ стоянокъ во времена Августа и Тиберія изъ Македоніи въ мѣстности нынѣшней Сербіи и западной Болгаріи. Въ Далмаціи римское владычество утвердилось послѣ войны съ иллирійской царицей Теутой (229 г. до Р. Х.), но во время республики оно ограничивалось только отдѣльными островами и береговой линіей. Внутреннія области покорилъ Августъ (35—33 гг. до Р. Х.). Новая провинція обнимала берега Далмаціи отъ устья Арсы (Рамы) до рѣки Мати (въ сѣверной Албаніи); на востокѣ она простиралась до нынѣшней Сербіи, гдѣ мѣстности Рудника и Чачака принадлежали Далмаціи. По берегамъ лежали многочисленныя городскія общины римлянъ, изъ которыхъ особенно большую славу приобрѣли: Салона (Солинъ), Ядеръ (Задръ), Эпидавръ (Ragusa vecchia) и др. Внутреннія области Далмаціи были населены римлянами гораздо рѣже, и большая часть ихъ осталась de facto во власти туземныхъ иллирійскихъ племенъ; послѣднія подвергались латинизаціи очень медленно, и языкъ нынѣшнихъ албанцевъ, говорящихъ наполовину романизованнымъ иллирійскимъ языкомъ, показываетъ, что конечную побѣду одержалъ латинскій языкъ не вездѣ. На югѣ Далма-